

Шагал м.
(100-лет со дня рожде)

7/VI 82

Жизнь Марка Захаровича Шагала сложилась так, что ему оказались родственны различные национальные культуры, чьи голоса, сливаясь, жили в его душе. Он родился 7 июля 1887 года на окраине Витебска, учился и провел молодость в России. «Российское начало» в огромной мере определило самое художественное сознание живописца, а также и сюжетный круг в его произведениях. «Моя родина всегда на моих картинах», — писал он уже глубоким стариком.

Творческое формирование Шагала связано также и с Францией, где он жил и работал сначала в 1910—1914 годах, затем с 1923 года всю последующую жизнь.

Наконец, имело свое бесспорное значение и то обстоятельство, что художник вырос в семье еврейских бедняков из предместья белорусского города. С детских лет Шагал знал легенды и предания древнего народа. Особенно любил поэтический мир Библии, которому уже на склоне лет посвятил колоссальный цикл, занимающий ныне все залы специального музея в Ницце.

Но, опираясь на различные национальные истоки, художник по-своему откликался на общечеловеческие проблемы эпохи. Глубоко и остро принял он события Октябрьской революции, непосредственным участником которых он был, являясь «уполномоченным коллегии по делам искусств Витебской губернии». Сохранился документ, где «всем революционным властям» предлагается оказывать Шагалу «полное содействие в его организаторской деятельности». События Октября нашли свое особое отражение в поэтической устремленности многих произведений мастера.

Эта устремленность — и в преддверии революции, и после нее — имела у Шагала чрезвычайно своеобразный характер. Он показывал смятенный, встревоженный мир, полный надежд и ожиданий, мир, который на глазах преобразуется, обретая новые черты и качества, устремляясь через драматические переживания к счастью и красоте.

Пожалуй, именно в этом более всего выражается «российское начало» творчества Шагала.

СТИХИЯ ПОЛЕТА

Сов. кинорежисс. — 1984. — 7 кадров

К 100-летию со дня рождения художника Марка Шагала

Путь к гармонии и человечности — суть метафор его картин. Эти метафоры грандиозны. С ними связано, например, такое удивительное качество, как космизированность образов. Какие бы причудливые формы оно ни приобретало, за ним стоят вполне реальные обстоятельства, строй мироощущения эпохи — чувство всеобщности происходящих изменений в жизни. При этом обыденное, даже бытовое смешивается со вселенским. В некоторых шагаловских картинах 1910-х годов рамки земного круга раздвинуты и захватывают в свою орбиту невиданные просторы.

Одновременно в картинах Шагала появляется много странного и непривычного — совмещение несовместимого, одушевление животных и предметов. Напряженная до ослепляющего накала живописная экспрессия становится в картинах мастера ведущим выразительным качеством. Но он никогда не сводит свои задачи к декоративной игре и самодовлеющему формотворчеству. Как сказал о Шагале поэт Поль Элюар, у него есть свои «правила чуда». Эти правила состоят прежде всего в нерушимости основных элементов жизни. Они могут взаимозаменяться, вступать в неожиданные отношения, представлять в необычном свете, но всегда сохраняются в своей изначальной природной ценности. Изменяющийся на глазах мир не теряет внутренней логики, а лишь обретает новую, более всеобъемлющую, чем раньше. И охватывает этой логикой всю Вселенную. Но космизм — характерная черта не только искусства Шагала, но и многих ярчайших явлений русской художественно-поэтической культуры начала XX века.

Художник не только очеловечивает космос, но и одновременно как бы космизирует человечес-

кое существование. Его картины людской жизни сплошь и рядом обретают такой вид, будто бы они увидены с небесных высот и, обретая новые, необычные черты, формируют особый мир, так сказать, свою галактику.

Например, шагаловская картина 1911 года «Я и деревня» состоит из сложного сцепления связанных между собой фрагментов бытия. В центре композиции помещен служащий ее основой и опорой солнечный диск. Внутри его калейдоскопическими кадрами расположились отдельные детали, своего рода осколки зрелища жизни. Разные штрихи воспоминаний, представлений, образов соединены как одновременно всплывающие в сознании «кадры» жизни и размышлений о ней. Здесь равноправны далекое и близкое, настоящее и прошлое, обыденное и фантастическое, словом, перед зрителем предстает некий «мир в разрезе», узнаваемый и необычный, как бы заново создаваемый.

Когда в 1914 году Шагал вернулся из Парижа в родной ему Витебск, то после недавнего потрясения восприятия жизни он любовно и с каким-то умиротворением всматривается в тихо текущие, полудремотные провинциальные будни. Шагал видит в них нечто глубоко родственное и привлекательное, пишет прозрачными и просветленными тонами. Таковы многие работы этих лет — «Дом в Витебске. Лиозно», «Парикмахерская» и другие.

Что может быть более обыденного по сюжету, чем «Часы» из Третьяковской галереи? Между тем в них выражена целая система мировоззрения. В картине решительно смещены привычные жизненные соотношения. Сидящая у темного окна фигурка (несомненно, автопортретная) кажется

крохотной по сравнению с расположенными в центре композиции часами. Что значит такая вот «обратная пропорция»? Очевидно, что в «Часах», так же, как и во многих иных произведениях тех лет, Шагал передает свое глубочайшее убеждение, что мир сдвинулся со своих привычных осей и при этом вечные категории жизни, незаметные за монотонно установившимся ходом повседневного, вдруг как бы вырвались наружу и громкогласно заявили о своей власти и значительности.

Идея «нового космоса» глубже и ярче всего выражена в цикле картин Шагала, выполненных в годы революции («Над городом», «Прогулка», «Двойной портрет с бокалом вина» и другие). Любовная лирика мастера и его поэтическая трактовка революции как всемирного обновления, перехода к всеобщей гармонии получили в этих картинах поистине классическое истолкование.

Образной основой всех упомянутых полотен оказывается мотив победы над земным тяготением, свободного полета людей в мировом просторе. Что-то похожее встречалось у Шагала и раньше, в начале десятых годов. Но тогда полет изображался по преимуществу ради одной цели: вызвать ощущение странности, резкого смещения привычного. В годы революции Шагал ставит перед собой принципиально иную задачу: показать взлет людей над землей как символику достигнутой свободы, обретенного счастья.

И действительно, в «Над городом» или «Прогулке» персонажи летают с такой само собою разумеющейся естественностью, что у зрителя просто не возникает мысли о невероятности изображенного. Несомненно сказочное действо — полет людей в небесах — Шагал запечатлевает как совершенно реальное. Это не просто удачная композиционно-образная находка, а своего рода символ событий времени, его духовной ситуа-

ции. Недаром же во всех шагаловских картинах революционных лет возникает ликующе-праздничное зрелище торжества любви, счастья, единения с миром.

Поселившись во Франции, Шагал не только ее, но и все страны, всю планету приближает к себе и воспринимает как свой дом, приветливый и светлый, похожий на ту мечтательно-романтическую стихию, которая окружала его на Родине. В высшей степени характерно, что художник, как камертоном, поверяет иноземные образы российскими. В произведениях Шагала позднего периода то и дело возникают виды и лики его молодости. Российские отголоски слышатся практически во всех крупных композициях мастера, будь то картины на современные сюжеты, фрески символического свойства, в том числе плафон «Гранд-Опера» в Париже или роспись «Источники музыки» в нью-йоркской «Метрополитен-опере». Мечтательно-лирические виды Витебска и иных российских мест встречаются даже в композициях библейского цикла. Тот колоссальный заряд энергии и светлого жизнеутверждения, который Шагал привез с собой из России, придал его творчеству совершенно особый смысл и характер.

Оно заметно отличается от всей ситуации европейского искусства в канун второй мировой войны и особенно после нее. Рядом с распадом формы, ослаблением или полным исчезновением предметной изобразительности, рядом с видениями жесткого и бессмысленного мира произведения Шагала с их влюбленностью в чувственную красоту бытия и торжествующей человечностью выглядят удивительным контрастом. Можно сказать, что художник из Витебска защитил на европейской арене гуманистические традиции искусства России XX века и заставил мир поклониться им!

Александр КАМЕНСКИЙ.